
ПОЭЗИЯ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

PERSONALIA

Наталья Валентиновна Квасникова родилась в городе Абакане в 1963 году. Очень скоро родители переехали в Кострому, а затем в Москву, где окончательно обосновались на педагогической почве. Самые активные годы формирования личности, то есть с 3-х до 14-ти лет, провела на берегах Волги, которую преданно любит и считает своей поэтической крестной. В настоящее время преподает физику в московском политехническом колледже, а в остальное время уделяет много внимания литературному творчеству, пишет стихи, статьи и рассказы. Член Союза писателей России, член Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат одноименного журнала по итогам 2008 года, лауреат Литературной премии имени А. С. Грибоедова, автор трех книг и различных публикаций, в том числе в «Приокских зорях», «Антологии современной поэзии», том 2, и в «Антологии современной прозы», том 1. В данной подборке стихов рассказывает о дорогих ей местах, людях и немного о себе.

ВОЛГА

Дрались две чайки на просторе,
Не поделив попутный ветер.
Они недолго были в соре
И помирились, не заметив.

Затем они летели долго,
Синхронные в своих движениях,
А солнце вызвездило Волгу
Лучей дробленным отраженьем...

А Волга так широкоплеча,
Глядит крестьянкой Аргунова.
К ней, точно муж, приходит вечер
И красной шалью дарит снова.

* * *

До слез благодарна России,
Что именно в ней родилась,
За яркость неистово-синих,
По-русски распахнутых глаз,

За то, что живу по-московски
И слово родное люблю.
Я знаю твои перекрестки
И кланяюсь в пояс Кремлю.

Я — здешняя. В этом и счастье.
На Красную площадь приду
Не в гости, и в звездах парящих
Свою отличу я звезду.

* * *

Александровский сад порыжел.
В нем гостит моложавая осень.
Сочной зелени вышел предел,
И ее уж деревья не носят.

Ветер смеха бушует кругом.
Дети, говор, влюбленные пары.
Магнитола поет за кустом,
Или слышится голос гитары,

И фонтан все звенит, как струна,
Устремляется радуга в воду...
А какая ждала тишина
Здесь, должно быть, в военные годы!

ПОРТРЕТУ ПРАДЕДА

Николаю Ефимовичу А.

Расскажи мне о своей
Неизвестной жизни.
Сколько грешных было дней
И — без укоризны?

Много, много ты успел.
Мне запало в душу,
Что мальчишкой в толпе
Ленина ты слушал,

И последнего царя
Видел ты, не прячась.
Усмехался, говоря,

Как он был невзрачен.
Мне поведай о себе,
Чтобы длилась память,
Две войны в твоей судьбе,
Фото в узкой раме...

БАБУШКА

*Памяти Аксеновой
Ольги Николаевны*

Из неба выпала звезда
И чиркнула в ночи.
Сказала бабушка тогда,—
Мол, человек почил...

И стало мне не по себе,
На сердце дождь пошел.
Стеклянный груз всеобщих бед
На плечи лег, тяжел,

А бабушка, меня поняв,
Ладонью хлоп о стол!
«Не хнычь» — сказала, сбросив шарф,
Не тем можешь, мол...

Достала шашки, и затем,
Азартны и легки,
Всю ночь мы с ней,— от всех проблем,
Играли в поддавки.

* * *

Мама девочкой была...

У открытого окна
Летним вечером она
Пела в комнатке своей:
«Соловей мой, соловей!..»

Часто бегала тайком
По морошку босиком.
Ножки бедные собьет,
Но морошки полон рот...

Мама девочкой была...

Как увяжется порой
Вслед за старшею сестрой,
Как ребячью их гурьбу
Занесет на Тошибу...

Ребятня купалась в ней
Меж бурунов и камней,
И ярилась, как судьба,
Злая речка Тошиба.

Мама девочкой была...

* * *

Картина дочери моей,
Заря весенняя на ней.
Щемящей юности полно
В горячих красках полотно.

Картина дочери моей.
Играет радуга на ней,
Короткий дождь уже забыт,
И город солнечно блестит.

Картина дочери моей.
Вдруг что-то изменилось в ней.
В два цвета кроткий натюрморт,
Салфетка с кружевом и торт...

* * *

Вновь — весна... неровной погоды промахи,
Молод ветер, лжет нагло вато,
И почти звучит аромат черемухи,
Будто голос, чуть хрипловатый.

Вот летит скворец, серебрится по черну,
Счастье посвистом призывая...
Я приглядываю за юной дочерью,
По себе сужу, как бывает.

* * *

Я ночь люблю за синий снег,
Фонарные столбы,
Бросающие круглый свет
Оттенков голубых.

Люблю я ночь, когда цвета
Весенние чисты,
Окрошкой мелкого листа
Обрызганы кусты.

Когда звучит из зрелых трав
Июльский звон цикад,
Люблю я звезд высокий нрав,
Сменяющих закат.

Я осенью люблю в ночи
Щекастую луну,
Листву, что, падая, звучит
Сквозь мглу и тишину.

АРБУЗ

Всходило воскресенье,
И зыбилась с утра,
Хоть день стоял осенний,
Упрямая жара.

Арбуз мы ели сочный,
И сок его проник
Не только в эти строчки,
Но в душу напрямик,

А был он темно-спелый
И сладостно краснел.
Я лучшего не ела
За весь земной удел.

Наталья Мурко
(г. Тула)

ТИХО БРОДЯТ СУМЕРКИ

Наталья Мурко, выпуск ТулГУ 1996 года, строительный факультет, отделение ТГВ, профессиональный журналист, печаталась в региональной периодике «Аргументы и Факты» в Туле, «Тульские Известия», «Труд» в Туле, редактор газеты о культуре и искусстве «Ярило». Родилась в 1973 году на полуострове Камчатка. Стихи и проза публиковались в альманахе «Тула» и газетной периодике. Готовится к изданию поэтический сборник стихотворений. Есть уверенность, что литературные поиски Натальи найдут отклики в сердцах читателей, потому, что это искреннее. Безусловно, здесь каждый сможет найти и что-то свое, близкое и понятное только ему одному.

* * *

Тихо бродят сумерки
В городе ночном,
Фонари сутулые
Мокнут под дождем.

То ступают переулками,
Медленно скользя,
То ведут шагами гулками,
Где ходить нельзя.

Или знают тропы тайные,
Нет для них преград,
То, как странники случайные,
В окна застучат.

И нежданный и непрошенный
Будет чей-то гость.
Плащ промокший, на пол сброшенный,
Глянцевый, как дождь.

* * *

На всем печать воспоминаний,
Во всем познания печаль.
Мне больше ничего не жаль,
Теперь я не боюсь изгнаний.

Угрюмый путник одинок,

Разбиты, кровоточат ноги.
Прошел он множество дорог,
Но больше не зовут дороги.

Дождем осыплется айва
На дно иссохшего колодца.
Пришла пора за лучик солнца
Вернуть земле ее права.

МАХАОН

Большая бабочка, зеленый махаон
Ко мне летит и крылышками машет.
На небесах хрустальный перезвон,
И все прекрасно в королевстве нашем.

Залит багровой краской небосклон,
В тени упрятался сезон ромашек.
Я не тоскую, я не тронут, не влюблен.
И умирать, мне кажется, не страшно.

Вот только тишина со всех сторон
А время — развороченная пашня,
И только будто музыка иль стон —
Большая бабочка, зеленый махаон.

ПОЛЕТЫ В КОСМОСЕ

Если б не было звезд,
Мир сошел бы на нет,
И давно был бы
Просто разрушен.
Снова падает тихо
Мерцающий свет
На мою
Обожженную душу.

Пусть врезаются звезды
В расплавленный мозг,
Твой полет
И последний и первый.
И пусть капает медля
Растаявший воск
На мои напряженные нервы.

И наверно пройдет
Даже тысяча лет.
Я сорвусь, я раскаюсь,
Я струшу,
Только звезды лить будут
Свой медленный свет

На мою обнаженную душу.

* * *

Снова буду один в пути,
Вслед за мною увяжется ветер,
И я долго буду идти,
И усталый усну на рассвете.

А приснится мне, как на заре,
Пробуждаются серые нивы,
Путник, спящий на пыльной траве
Под кустом придорожной крапивы.

ВЕТРОНОМЫ

Есть у ветра свои привычки,
Вот и я непутевый такой,
То меняю ключи на отмычки,
То не помню дороги домой.

Ищут ветра в пути ветрономы,
Изучают его следы,
От вокзалов и аэродромов,
До куда-то упавшей звезды.

Есть у ветра свои заботы
Расправлять кораблям паруса,
Крылья мельниц крутить в охоту,
И гулять по полям и лесам.

Снова просится сердце в дорогу,
Ветер в поле легче найти,
Ветер в спину — большая подмога,
Ну а все-таки — он впереди.

* * *

Я тихо ухожу,
Почти что не спешу,
Мне не куда спешить.

Туда где снег лежит,
Все на ветру дрожит
И нечем дорожить.

Я после расскажу
Как призрак поброжу,
Скупая рвется нить.

Не вам принадлежит.
Не вами саван сшит.
И некого винить.

Владимир Резцов
(г. Тула)

СОНЕТЫ
(1979—1981)

СОНЕТ № 1

Что я нашел в тебе — и сам не знаю.
Как просто было жить мне не любя!
За что теперь таким огнем сгораю?
Зачем случайно встретил я тебя?

Удачливым любовь дарует силы.
Не повезет — она смертельный яд.
Одна за муки — мавра полюбила,—
Меня ж любить, страдальца, не хотят!

Что б я ни делал — мной пренебрегают;
Уйду — легко забудут. Плох роман!
Моей любви она не принимает.
Судьбой мне, видно, жалкий жребий дан.

Но, пусть порой в слезах моя подушка,
Я не сопьюсь из-за тебя, свистушка!

СОНЕТ № 2

Я видел сон нелепый и прекрасный:
При лунном свете среди бела дня
Мне встретился в лесу зайчонок красный;
Задумчиво смотрел он на меня.

Я видел, как к заснеженной вершине,
Стремясь, бежала горная река.
Я видел пальму, росшую на льдине,
И Драйдена в воротах «Спартака».

Смеялись птицы радостно и звонко,
А медвежонок пел: «Я встретил вас...»
И маленького красного зайчонка,
Прижав к груди, я от лисицы спас...

Весенней сумасбродною порою
Приснилось мне, что я любим тобою.

СОНЕТ № 3

Японец рубит груды кирпичей
Шершавую мозолистой рукою.
А мне не подобрать к тебе ключей,
Ты от меня за каменной стеною.

Попробуй-ка ее преодолей!
Японец, попытайся, ты двужильный...
Напрасные потуги, дуралей:
Где нет любви, там каратэ бессильно.

Не разломать тех дьявольских замков,
Вовек не распахнуть заветной двери;
Бездушную, как камень, нелюбовь
Не разнести ударом «маэ-гэри».

Но без любимой как на свете жить?
О, только б эту стену мне пробить!..

СОНЕТ № 4

Тупая боль всему наперекор
В моем мозгу предательски засела.
Я голову бы сунул под топор
Лишь для того, чтоб только не болела!

В груди пожар губительный возник,
Отчаянием душу опалило.
Я сердце дал бы насадить на штык
Лишь для того, чтоб так оно не ныло!

О милости бессмысленно просить.
Исход печальный мне легко предвидеть.
Я б дал себя охотно ослепить,
Чтоб больше чудных глаз твоих не видеть!

О, как бы я хотел, чтоб не страдать,
Вселенною бесчувственную стать!

СОНЕТ № 5

Весною мне коварная природа
На раны густо посыпает соль.
Я не люблю весну. Боюсь ее прихода.
Она всегда мне причиняет боль.

Мне горькое давно постыло зелье,
А сладкий вкус, к несчастью, незнаком.
Страшит неотвратимое похмелье,
Прощание с волшебным, дивным сном.

В десятый раз — и все одно и то же.
В груди иссяк запас душевных сил.
Пускай страдает тот, кто помоложе,
А я свое, как видно, отлюбил.

Летите мимо, радужные сны!
Я ухожу. Устал я от весны...

СОНЕТ № 6

Ты, что дороже жизни мне была,
Ты, что давала пылкие обеты,
Зачем в мужья немилого взяла?!
Кольцо на палец, как петля, надето...

Пью за тебя, продажная любовь,
Хотя скрывать приходится тошноту!
От омерзенья стынет в жилах кровь,—
Я лишний гость на свадьбе по расчету!

Предавшая подруга!.. Бог с тобой...
Уйду с дороги, зла не пожелаю,
Хоть не смогу забыть измены той,
Кого любил, а ныне презираю!..

Но на обмане сам себя ловлю:
Я презираю ту, кого люблю...

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Я РОДИМЫМ РАЗЛИВОМ ДЫШАЛ

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в семье военного летчика-фронтовика. Отец погиб в 1954 году во время учебных полетов на МиГ-17. В 17 лет пошел работать. Окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Служил в армии. Вернувшись на гражданку, работал на фабрике и заочно учился на филфаке пединститута. Около тридцати лет трудится в городской газете. Член Союза журналистов с 1984 года. Вышло десять поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора». Член Союза писателей России с 1993 года.

* * *

Я родимым разливом дышал
Я глядел на раздольные воды.
За душой у меня — ни гроша.
Но в запасе — бесценные годы.
Над волнующим блеском волны
Все хотел разглядеть ваши лики.
Ни богатым не стал, ни великим.
Снится жизнь — от весны до весны.

ВОЛКИ

Уходили волки от погони
На осенней утренней заре.
Каждый в стае, словно вор в законе.
Шкура в озаренном серебре.
Никогда охотником я не был.
Не ловил в прицеле чей-то страх.
Все мы волки под печальным небом —
Лишь свистит вселенная в ушах.

ОТЕЦ

Отец, ты карьеристом не был.
И в летчиках — кто карьерист?
Свистел твой МиГ-17 в небе.

Я с детства помню этот свист.
И что тебе азарт карьеры,
Коль сходу в глубине небес,
Ты звуковые брал барьеры —
Старлей советских ВВС.

МЕТРО — 2003 ГОД

Когда гламурное лярво —
Стране знакомые все лица —
Сплетясь в бесстыдный хоровод,
С размахом царским веселится,
В проходе стольного метро
В полубезумье алкогольном
Десантник спившийся Петров
Ползет по грязи, как по полю.
Дым поражения над ним.
Резвятся богачи и лярвы.
Ползет солдат, ползет к своим...
Своих — ни спереди, ни сзади.

УДАЧА

Брал за хвост я удачу,
Но вырывалась удача.
Улетала она —
Золотого сиянья порыв.
Может быть я об этом
Когда-нибудь
Тихо заплачу,
Стариковские слезы
На старый пиджак уронив.
Эти слезы
Я с детства запомнил.
Так плакал
Мой дядя укромно,
На вечерний приступок
Веселого дома присев.
Пел Утесов о море,
Любимец, тех лет
Всенародный,
И шумело застолье
Во всей повоенной красе
И в какой там старик
Изболелся тоске и тревоге —
Было мне не понять.
Но я видел в тот вечер остро,
Что сиял рядом с ним
Луч закатный

На теплом пороге,
Как удачи,
Умчавшейся вдаль
Золотое перо...

* * *

Ударили скрипки.
и все, что дремало,
молчала покорно у сердца внутри,
задетое звуком,
взнеслось, встрепетало,
как летнее поле на пламя зари.
Из лет улетевших, из дней незабвенных
смычки выносили дыханье лица.
С ним — счастье,
что жизнь озаряло
в мгновеньях,
и горе, с которым идти до конца

СТИХИ О СОБАКЕ

Собаки говорят глазами.
Слова собакам не даны.
Мне за далекими годами
Глаза одной из них видны.
Был молодым, жестокоруким -
Для всех известная пора.
Однажды преданную суку
Увел на гибель со двора.
Но кто-то отвязал дворнягу
И раз на улице своей
Я повстречал ее, беднягу.
Глазами встретился я с ней.
К чужим воротам прижималась,
К своим не смея подойти,
Она в глазах держала жалость,
Что так могло произойти.
Она меня не укоряла,
А будто бы себя виня:
Что вот спаслась, вот прибежала -
Глядела снизу на меня.
Мир этот не переиначить -
Чем больше знаешь, тем больней
Жалею преданность собачью
И ненавижу тупость к ней.

САНТА ЛЮЧИЯ

Дорога гудела.
Сквозь тьму несся гул.
Любимая пела,
Чтоб я не уснул.

И в дали ночные,
Болидом свистя.
— О Санта Лючия —
Давил скоростя.

Мы смерть проскочили —
Не раз и не два.
О Санта Лючия —
Сияли слова.

Но все отлучилось
В свой срок навсегда.
— О Санта Лючия —
Сгорела звезда...

* * *

За городом — на поля,
Словно тяжелый лист,
Брезент растянуть моля,
Падал парашютист.
Вечерняя синева.
Осенних синиц пересвист.
Утром прошла молва —
Разбился парашютист.
У всех есть такой момент
С разницей лишь в одном:
Кто-то кричит про брезент,
Кто-то молчит о нем...

* * *

Говорите
Прямо,
а —
не вроде.
Все равно ли
трезвый,
во хмелю —
я люблю
туман и дым
В природе.
В остальном
я это —
не люблю

Ольга Бугримова
(г. Тула)

БЕРЕГИНЯ

Дипломант Всесоюзного смотра народного творчества за цикл стихов на патристическую тему. Многие годы работала заведующей библиотекой, награждена нагрудным знаком «За заслуги в культуре» Министерства культуры России, автор книги «Ива неплакучая».

БЕРЕГИНЯ

Ты была ему женой и другом.
Вдохновеньем, музыкой, весной.
На тебе все замыкалось кругом,
Но Вселенной был супруг Толстой.

Ты его талант оберегала,
И в тени у гения жила.
Славы громкой вовсе не искала
Берегиня, графская жена.

Он роман творил, ты создавала
Мир покоя, теплоту, уют.
И друзей его обогревала,
Находивших у тебя приют.

Секретарь, советчица и критик...
Столько разных лиц в одной судьбе.
Мудрая София и политик...
Мир его принадлежит тебе.

ГОВОРЯТ: СЕРЬЕЗНА И УМНА

Говорят: серьезна и умна,
И талантами Господь отметил.
Почему же, люди, я одна?
Кто мне на вопрос простой ответит?

Мне советуют попроще жить,
Изредка схитрить для пользы дела,

С сильными для выгоды дружить,
Вокруг пальца обвести умело.

Дураков при власти лишь хвалить,
И «лизнуть» уметь порой, где надо.
И тогда не буду я хандрить,
Что со мною нет кого-то рядом.

От советов этих я в тоске.
Лицемерить я не научилась.
И «лизать, где надо», не по мне.
Ну, такой вот гордой уродилась!

Углубившись в множество дилемм,
Долго я над ними размышляла
И решила: лучше быть ни с кем,
Чем со многими, но с кем попало.

ДИАЛОГ СО СТАРОСТЬЮ

Если старость в окно постучит,
Не застигнет меня в одночасье.
Знаю, Музой во мне зазвучит.
И осенним, вдруг сбывшимся счастьем.

И старуха при встрече со мной
Вмиг поймет — здесь о ней и не слышно.
Извинится: «Идти на покой
Тебе рано. Ошибочка вышла».

Я ее не пушу на порог
И не дам ей в себе развернуться.
Упрекну: «Мало ль в свете дорог,
Пред тобой, где готовы прогнуться?»

Ты со мной не веди диалог.
Пред тобой не ропшу я смиренно.
Помогают мне люди и Бог,
И все добрые силы Вселенной.

А душа, затерявшись средь звезд,
Вольной птицей захочет остаться.
Запрещаю за тысячу верст
Тебе, старость, ко мне приближаться!»

Диана Кан
(г. Новокуйбышевск)

ИЗМЕЛЬЧАЛИ МЫ, ИЗМЕЛЬЧАЛИ...

Кан Диана Елисеевна — член Союза писателей России, автор сборников стихотворений «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Обреченные на славу», а также многих публикаций в московских и региональных изданиях России. Лауреат всероссийских литературных премий. Живет в Самарской области.

* * *

Измельчали мы, измельчали...
Мы не те, что были вначале.
Где косая сажень в плечах?
Где Перунов огонь в очах?
Где предания отчего края?
Расклевала картавая стая...
Где любовь, что веками нам снилась?
Триаршинной косой удавилась.
Алой лентою кровь утекла...
Вот такие, мой друже, дела.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.
Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»
Это что ж за любовь, идущая
Из библейских темных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?
Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.

Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.
И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же кинжал и маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»
Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся — жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Пора отрешиться от чепухи —
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.
Был ввысь устремлен белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора — и осенний налив
Строптивые ветви склоняет.
Часами над милою Волгой-рекой
Сижу — само благонравие.
Неужто надо — за упокой,
Чтобы закончить за здравие?
Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрого.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.
Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздьями.
А там, где была я еще вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

*«...Разве можете перестоять нас?.. Ибо имеем мы
пищу от земли...»*

«Повесть временных лет» о белгородском киселе

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрыляется Русь.
Православная русская вотчина —
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина — речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.
Здесь разбойные тропы найдены...

Не зазорно здесь — так твою мать! —
Заявляться незванно-непрошено
За семь верст киселя похлевать.
Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.
Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.
Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взашей.
Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?
Ну так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, неулыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.
Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку включь.
Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.
...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

ВЬЮЖНАЯ СОНАТА

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слез,
Бредет по оренбургским тихим улочкам,
Бредет-бормочет странное под нос.
Никем еще ни разу не целована

И ни в кого еще не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходящая с ума.
В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжною вуалью пряча взгляд,
Она бредет, наивная и мудрая —
Совсем как я так много лет назад.
Она бредет навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стежки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит: «Что хорошего?..»
И снова я ответить не смогу.
Сейчас свернет с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стежек снежных вязь...
В таинственное-странное-рассветное
Уйдет, в сонате вьюжной растворясь.
Стишками, между стежек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими
Она не озабочена пока.
Она бредет, покуда безымянная...
Она не знает, как она слаба!
Она в бреду бормочет что-то странное —
Еще не рифма, но уже — судьба.
И некому сказать наивной дурочке,
Пока ее мечтания тихи,
Пока пустынно утренние улочки,
Что это — гениальные стихи!

Евгений Семичев
(г. Новокуйбышевск)

КРЕМЛЕВСКИЙ ОБЕД

Семичев Евгений Николаевич — член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Российский развилоч», «Соколики русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх» и др. А также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Лауреат всероссийских литературных премий. Живет в Самарской области.

* * *

Кремлевский обед
Я вспомнил полустанок свой,
Затерянный в степи.
Бачок вокзальный питьевой
И кружку на цепи.
Такие были времена —
Душой не покривлю —
Была прикована страна
К Московскому Кремлю.
Переживала моя степь
Наследие войны...
Потом и с кружки сняли цепь,
И сняли со страны.
Я вспомнил детство, дурачок,
С печалью на челе,
Когда увидел тот бачок
На празднике в Кремле.
Чем он меня затронуть смог
Весенним ясным днем?
Ведь в нем все тот же кипяток,
Заваренный Кремлем!
И только не было цепи,
Как будто с детством связь
В послевоенной той степи
Навек оборвалась.
Официантов стройный ряд,
Застывший вдоль стены.
У этих праздничных ребят
Лицо моей страны.

И одноразовый стакан
Дрожит в моей руке.
И пролетарии всех стран
Глядят на Кремль в тоске.
Кремлевский праздничный обед
В глазах моих застыл,
Как белый вольный Божий свет,
Что в детстве красным был.
И я своей душе сказал,
Что это торжество
Напоминает мне вокзал
Из детства моего.

* * *

Над вселенской бездною
Голуби воркуют...
Подражают бездари —
Гении воруют.
И Шекспир загинул бы
В пламени Аида,
Если бы не кинул бы
Драматурга Кида.
Если б он не выиграл
В карты свои пьесы,
Кто бы где бы видывал
Этого повесу?
Чем плохим родителем
Пропадать без вести,
Лучше быть грабителем
Без стыда и чести.
Золотая истина
В небе обитает.
Что и кем написано
Лишь Создатель знает.
Колея безбожная
Испокон кривая.
Испокон осторожная
Слава мировая.

* * *

Зашипела, словно кобра...
Ну, теперь не жди добра!
Как меха раздула ребра
Та, что вышла из ребра.
Шаркнув ножкой перед нею,
Преподнес я ей цветы.
Но не любят эти змеи
И не ценят красоты.
И летит степной букетик

За окно на белый свет...
Здесь не греет и не светит
Щедрый дружеский привет.
Улыбаюсь ошалело.
Дверью хлопнув от души,
На прощанье прошипела:
«Захлебнитесь, алкаши!»
Я сто лет не видел друга.
А она... она... она...
Подколодная змеюга!
А еще — его жена!
Друг сидит, повинно мнется
И кривит свои уста.
Что-то нынче нам не пьется —
Водка, видимо, не та.
Он прищурился от солнца,
Глубоко вздохнул по ней.
Стал похож он на японца.
А японцы любят змей!

* * *

Дожди идут косые...
Осенним хмурым днем
Я и Попов Василий
В ГосДуме водку пьем.
Василий — очень юный
Лирический поэт.
А я литературный
Крутой авторитет.
Я промываю глотку,
А у него дебют.
Как пороят, под водку
К столу нас подают.
Литературный ужин.
Лирический банкет.
И никому не нужен
Здесь никакой поэт!
Василий лирой доброй
Ласкает всех подряд.
А я читаю «Кобру» —
Я изливаю яд.
Твои стихи, Василий,
Прожгли меня до слез.
Ты — соловей России,
А я дворовый пес.
Меня судьбина злая
Приставила к перу.
Я, как собака, лаю
На праздничном пиру.
Но я не шибко гордый,

Когда в стакан мне льют,
Хотя моею мордой
О стол казенный бьют.
Обидно за Россию —
Нет у меня другой...
Поэт Попов Василий,
Будь счастлив, дорогой!

* * *

О Тютчеве стихи писал
В разгар грозы в начале мая.
А Тютчев небо сотрясал,
Мои стихи не понимая.
В лучистом небе голубом,
Как бы резвяся и играя,
Он на меня обрушил гром
И молнии метал из рая.
В чем я душою покривил
Перед тобой, могучий Тютче,
Что ты передо мной явил
Свой лик мрачнее грозной тучи?..
Поэзии Архистратиг,
Ты мечешь огненные мысли.
Чтоб грешный дольний мир постиг
Пылающие Божьи выси.
Пока ты буйствуешь в раю,
Грома небесные вздымая,
И я у бездны на краю
Люблю грозу в начале мая.

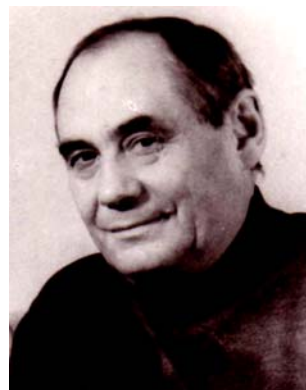
* * *

Русь на голову больная
Тяжело с исконных пор.
Горячо по ней стеная,
Кровью харкает топор.
Что ни век — петля и плаха
Строят смердов вдоль стены.
И как шапка Мономаха
Кремль на темени страны.
Что ни день — хоть чет, хоть нечет —
На любом земном веку
Русь башку больную лечит,
Кровь пуская мужику.

Владимир Родионов
(г. Узловая)

СИНИЙ СУМРАК

Родионов Владимир Иванович. Окончил Узловский техникум железнодорожного транспорта, позднее — ВЗИИТ. В 2001 году опубликовал первый сборник: «Души незримый труд», в 2002 году — второй: «В округе поля Куликова». В 2004 году — третий: «Ностальгия». В 2005 году был принят в Союз писателей России. В 2006 году появилась четвертая книга: «Живу, а кажется — тону».

Печатался в местной и московской периодической печати, а также в коллективных сборниках Тульских писателей.

СИНИЙ СУМРАК

Синий сумрак сквозь чистые стекла —
Как весна бесшабашно права!
Даль промьгта, с морозцем просохла,
Резкой грусти полны дерева.

Март. Двадцатые числа. Столетия
Для пространства — мгновенью равны,
Также тянутся к солнцу и свету
Все четыре его стороны.

И черед, и размеренность быта,
И явленья торопкие все
Светлой тайною жизни сокрыты
И раскрыты в доступной красе.

Надо только неспешно взглядеться
В эту синюю вечную даль,
Чтоб почувствовать трепетным сердцем
Торжествующей жизни печаль...

* * *

Занедужила природа —
Снова непогодь и дождь.
Болью русского народа
Ты, наверное, живешь.

В нас, покорных по натуре,
Коль в стране царит разбой,
Зреет медленная буря
И томится непокой.

Русь моя — моя икона!
Лик твой вписан в образа.
Нынче поле Куликово
Катит свет в мои глаза.

Тут духмяны, как обычно,
Все овражные бока,
И клубнично — землянично
Здесь на многие века.

И земляца, как земляца,
Только веры никакой
В то, что снова возродится
Край, воистину, родной.

И в душе такая хмурость,
И в душе такая боль,
Будто вечное замкнулось
Над расхристанным тобой.

* * *

Туман вечерний рыжеват.
На перламутровых глубинах
Небес такой творится ад
От суматохи крыл грачиных!

Мы все заведомо уйдем,
Познав сие почти с рожденья.
Покинут опустевший дом
Земные наши заблужденья.

Но также будет ветер выть,
Суля идущие зазимки,
А люди будут жить и жить,
Как прадеды на старом снимке.

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Сужается круг, и все меньше дорог
Уводят с родного порога,
И выбор, увы, ограничен и строг —
Все чаще нужда и тревога.

Все реже беспечность подружкой ко мне
На лавку вальяжно садится,
А тени бегут и бегут по стене,
Как будто бескрылые птицы.

И рвутся, и мечутся — бедным невмочь —
Познать отраженья устройство,
На волю их выпустит темная ночь,
Удвоив мое беспокойство.

И будет незримо прожитым душа
Бродить в подсознание и дреме,
Свой суд терпеливо и мудро верша
В затихшем к полуночи доме.

К утру рассосется давнишняя боль,
И горечь сосулькой истает,
Но ты навсегда виноват пред собой,
Коль живы и совесть, и память.

Роман Тишковский
(г. Химки)

ИЗ БАЙКОНУРСКОЙ ЛИРИКИ

Член редакционного совета альманаха «Московский Парнас». Член Союза писателей России и Международного Сообщества писательских союзов. Член-корреспондент Академии российской литературы. В 2007 г. МОО Союза писателей РФ «за верность традициям русской культуры и литературы» награжден Золотой Есенинской медалью. В 2009 г. Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов «за патриотическую и философскую лирику в книгах последних лет» — Золотой медалью имени Константина Симонова. В подборку включены произведения из написанных за последние 15 лет на Байконуре.

ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА

Не говори, что жизнь прошла.
Нет, не прошла, а — накатилась
Волной, и вспыхнула душа —
Всему грядущему на милость.
Всему грядущему — на дни.
На ночи — длинны и бессонны,
Когда блуждают меж людьми
Пассаты, бризы да муссоны...

Беспечностью шумят года,
Бегут себе — никак неймется!
И не дано предугадать,
Как *наше дело* отзовется.
Как отзовется каждый миг,
Любое светопреставление.
И где таится меж людьми
Годов глухое преступление?

Когда идут на абордаж
Минуты, месяцы и годы...
И в дар — никак не передашь,
И не сменяешь на невзгоды.
Глядят и так из всех окон —
Уж не подставить ли подножку?..
Мы ж — не нарушили закон,
А лишь подправили немножко...

Но что терзаться, и молить,
И останавливать мгновенья!
Нам — не дано благоволить
Одно-другое мановенье.
Не говори, что жизнь прошла.
Она — еще не устоялась.
Мысль эта вовсе не пошла,
Но только — поперхнулась малость.

А если где-то что не так —
Все так и вовсе не бывает!
И нам средь лобовых атак
Слюну пускать не подобает.
Да! Не дано предугадать,
Как *дело наше* отзовется.
Но что по этому роптать,
Когда неясно, где — взовьется...

Мы все богаты на года —
Единственное, что нетленно,
Как та далекая звезда,
Что — все же! —
                                явится! —
                                на смену!

ДВА СОНЕТА

1

Зачем увидел и пришел в восторг?
О чем помыслил, рассуждая грешно?
Легко ль ее души понять исток,
Обласканной чужой рукой, конечно?
Такое — происходит невзначай,
А там, как хочешь, размышляй и бейся.
Разумное — не признак ли плебейства?
Едва ли можно пригласить на чай...
Всему — есть мера. Мера внешних сил.
Алеко, скажем, был не наших правил.
Азарт ее — мне видится честней.
Но почему о многом не спросил?
И неужель я *так* ее оставил?
А все-таки! Ну что таится в ней?!

2

Ах, эта! Где косичка с уголка
Небрежно и задумано прижата.
Насыщена умом ее палата,
А кажется воздушной и легка...
Никто не подтвердит, что мой прогноз
Извилистый — с корявою рукою.

Кому сказать? Кого я беспокою?
Открыться вдруг — как написать донос!
Лежит на лбу задумчивости свет —
Армирован он золотою пробой,
Единство мысли видится полней...
Вот подойду. Вот сброшу тяжесть лет,
Наученный доверенной особой...
А все-таки! Ну что таится в ней?!

ОПЯТЬ

Нет! Не глядеть! Спустить на тормозах.
Проникновенным быть — никак не смею.
Опять я утону в твоих глазах,
А выбраться — так вовсе не сумею.
Ах, если бы дотронуться рукой,
Где шелковистый ниспадает локон!
Опять я прикоснусь к тебе щекой,
И день зайдется в зависти глубокой.
Ну что еще! Привидеться юнцом
И ждать, когда разлука нас подружит?..
Опять я упаду в тебя лицом,
И небо вновь поймет нас и закружит.

ДВЕ ТЕНИ

Две синие-синие тени упали ко мне на колени. Две тени — от дальней дороги, дороги моей — недотроги. Две тени — от зимнего сада, от бывшего томного взгляда, что выжег да взял на поруки такие холодные руки.

Холодные руки заката, что нас обнимали когда-то. Что нас укрывали, укрыли и нам — заменили бы! — крылья... А крылья — сваялись и смялись, а может, — и просто сломались: из наших желаний, хотений — они превратились в две тени.

Две тени — от долгой дороги, дороги к тебе — недотроге! Упали ко мне на колени дорожные смутные тени... две синие-синие тени.

ПСАЛОМ

Не по сердцу — когда обижают.
Не по делу — когда обижаются.
Ненавижу — когда унижают.
Еще больше, когда — унижаются.
Ты — моя вся — и сверху, и снизу.
Ты — моя вся — и справа, и слева.
Да, люблю тебя! Не по ленд-лизу.
Не за то, что ты — не королева.
Мне — твои объяснения — лавина.
Ты — не церковь мне и не мечеть ведь.
Ты совсем — не моя половина

И не треть моя, даже — не четверть...
Но когда ты — уходишь! — в густое
Мелколесье, туманам на диво, —
Все во мне — до бессилья пустое,
Безысходно, и все — неправдиво.

Не прошу, чтоб вернулась. Не надо!
Не прощу себе час утешенья.
Ты в жару — мне! — стакан лимонада.
И всегда — ты! — мое униженье!
...Ненавижу, когда обижают.
Все же лучше — еще обижаются!
Не терплю, если вдруг — унижают.
И до злости, когда — унижаются!

ОТМЩЕНИЕ

Азь отмщение...
Книга Бытия

I

Отомсти за беспечность мою,
Нежеланье в душе твоей рыться,
За стоянье на самом краю
И желанье — в тебе раствориться.
За пустой и непесенный дар,
За настырность — привлечь и привадить,
Точно я, объявляя пожар,
Пожелал бы все толком уладить, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

II

Отомсти за наивность, и бред,
И навязчивость не по уставу,
За мгновение прожитых лет
Точно я обещаю подставу.
За глухое бессмертье тоски
И бессовестное назначенье,
Когда сердце — совсем на куски,
И из каждого — кровотечение, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

III

Отомсти за бесовский туман —
Точно мир — целый мир! — этим занят.
За наивный бесплодный роман,
Где пролог с эпилогом базарят.
За мое неуменье увлечь
Без фальшивых — тебя! — описаний,
Невозможность у ног твоих лечь
В ожиданье твоих указаний, —
Отомсти, отомсти, отомсти / И — прости!

IV

Пусть не падают локоны с плеч,
Но улыбкой нельзя возмущаться.
Ты молчи, отдыхая от встреч,
А я буду — тобой восхищаться.
Милых губ твоих не замечать
Я смогу с небольшим ухищреньем:
Да, я буду молчать и молчать,
Созерцая тебя с восхищеньем.
Но за это меня — не прости, / Отомсти!

ВРАСТАНИЕ

Сиреневая степь —
    в набрызгах тамариска —
О, ветром усмирись, песков земная зыбь!
Врастает зелень в степь,
    в песков сухую сыпь,
До цели — вечно быть, до смысла обелиска...
Но летом жгло плечо, настойчиво и близко,
До жалости легко, до прелести без риска.
— И что мечты! В мешок сомнений ссыпь...

ДВОЕ СУТОК

...Ни окликнуть, ни позвонить.
Без тебя — не в себе двое суток.
И кого в прошедшем винить? —
Не поможет притихший рассудок.
Ни в окошко тебе постучать,
Чтоб улыбкой твоей осветиться, —
От чего бы должно полегчать,
Как святой окропленный водицей...
    Свои помыслы, взяв на крючок
    Даже те, что способствуют плачу, —
    Я по капле сцежу в дневничок
    И поглубже, под сердце, запрячу.
    Потому что весьма тяжело
    Без тебя — ничего мне не слышать:
    Все настолько нескладно легло,
    Будто всюду — чужим чем-то дышит...
Но все это — не стоит кивка,
Как бы хитро судьба не кивнула.
Лишь бы ты — отдохнула слегка,
За два дня, хоть слегка б, отдохнула!

